

Т. С. КАНЕВА
(Сыктывкар)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБРЯДОВОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕСТОВ В ТРАДИЦИИ

(заручение в усть-цилемской
свадьбе)

Аннотация. Основная проблема, с которой связана данная статья, может быть условно определена как «местный обрядовый термин в фольклорном тексте». В статье представлен развернутый комментарий к фольклорному выражению «невеста заручённая, княгиня прослезённая» из свадебных причитаний Усть-Цильмы; охарактеризовано значение соответствующего этой художественной единице обрядового термина усть-цилемской свадьбы («заручение»); сделана попытка определить их взаимосвязь.

Ключевые слова: свадьба, причитание, народная терминология, поэтика.

Локальная фольклорная традиция представляет собой сложноорганизованное явление, возникающее и функционирующее в конкретных социально-исторических и географических условиях как форма трансляции устного этнического наследия. Ее целостное описание предполагает многоаспектный анализ разного рода данных, включая морфологические единицы различного объема — от сферы народной культуры, жанра, тематического цикла до формулы и отдельного слова.

Можно выделить разные вербальные составляющие текста фольклорной традиции: это ее обрядовый язык (словарь обрядов и ритуализованных явлений культурного обихода — игровых форм молодежной культуры, праздничных общинных сборов и т. п.); народная (исполнительская) жанровая терминология; собственно фольклорный текст (условно: совокупность всех вербализованных форм традиции). В последнем, в свою очередь, можно обособить «поэтический инвентарь» — совокупность всех художественных единиц произведений всех жанров (имеются в виду, прежде

всего, произведения основного круга жанров за исключением несказочной прозы как наиболее свободной от поэтического канона области фольклора), жанровую и обрядовую терминологию (термины в фольклорных текстах), фольклорный ономастикон, именованья мифологических персонажей и др.

Особый интерес представляет соотношение этих «текстов», выявление областей их пересечения и автономных зон. Одним из конкретных вопросов, вызванных подобным интересом, является вопрос о степени близости фольклорного и обрядового языков, в частности, отражается ли в фольклорном тексте местная обрядовая и жанровая (исполнительская) терминология и наоборот. Для автора этого сочинения анализ соотношения обрядового и поэтического «текстов» традиции привлекателен, прежде всего, как способ выявления специфических черт одной из севернорусских традиций — Усть-Цилемского района Республики Коми (бывшая Архангельская губ.), расположенного в среднем течении реки Печоры с притоками Нерицей, Пижмой и Цильмой, где проживают потомки староверов-беспоповцев.

При вычленении в корпусе усть-цилемских фольклорных текстов¹ вербальных единиц обрядового характера («этнографизмов») наше внимание привлекло устойчивое парное определительное словосочетание, относящееся к номинации невесты: **невеста/невестушка заручённая, княгиня/княгинюшка прослезённая**. Оно встретилось только в свадебных плачах², преимущественно — в цикле «банных» причитаний, исполнившихся от лица подруг, испрашивавших для невесты дорогу в баню, например:

¹ Проанализирован большой корпус текстов музыкально-поэтических жанров Усть-Цильмы. Библиографию изданий усть-цилемских фольклорных сборников см.: [Канева 2009].

² Учтены доступные записи причитаний: 18 опубликованных текстов ([Песни Печоры 1963, № 129—130] (записи 1929 г.); [Колпакова 1973, № 427, 442, 448, 461—464, 489, 498, 500] (записи 1929 г.); [Леонтьев 1979, № 42, 52, 53, 55, 56, 58] (записи 1940 г.); более 150 полевых записей: МГУ, записи 1980 г.; СыктГУ, записи 1980—1990-х гг.).

*Разойдитесь-ко да, люди добрые,
Дайте нам пути-дорожечки,
Ко невестушки заручённой,
Ко княгини да прослезённой.
Натопили мы ей парну баенку...*
[СыктГУ. АФ 0322-10].

Как показал сопоставительный анализ обрядового и поэтического «словарей» традиции, в обоих определениях из этого формульного выражения (*заручённая, прослезённая*) можно усматривать проявление местной специфики.

Сочетание *невеста заручённая*, на первый взгляд, не несет в себе ничего необычного. Заручением (или однокоренными словами *збручины, зарэчины, заручьны, запоручивание, рукобитье, обручение*, как и *сговором, просватаньем* и т. п.) в целом ряде русских традиций называли предбрачный договор сторон³, а *заручённая (запорученная) невеста* означает просватанную девушку, собственно невесту. Именно в таком значении фигурирует это сочетание и в фольклорных текстах, мы можем привести отдельные свадебные образцы — ветлужскую⁴ и курскую⁵ песни, нижнепечорские причитания и песни⁶, а также мезенскую былинку «Про Дуная» (Лешуконский р-н)⁷.

Как показывают материалы по этнографии усть-цилемской свадьбы (это записи Н. П. Колпаковой, собранные на Печоре в 1929 г. для диссертации по свадебному обряду Русского Севера

³ См., например: [СРНГ 1976, 11].

⁴ «Стоит сосенка, сосна подсеченная, / Да тужит девушка, плачет зарученная» [Нижегородская свадьба 1998, № 102].

⁵ «Чья во тереме девица хороша, пригожа, не зарученая?» [Соболевский 1987, № 303].

⁶ «<...> До меня ли, до красной девицы, / До меня ли, младой-кручинной, / До девицы да души красной, / До невесты да зарученной, до моей ли буйной головы...» [Леонтьев 1979, № 47]; подобный текст: [Там же, № 50].

⁷ «Уж как будет вам невеста заручённая» и т. п. [Былины Мезени 2006, № 131: 114, 121, 158]. Здесь и далее при ссылке на примеры из былин после номера текста двоеточием отделен номер строки с интересующим нас примером. Ср.: «невеста обручальная» в нижнепечорской записи былины об Иване Гоудиновиче [Былины Печоры 2001, № 181: 72]; «невеста зарученная» в былинке с Зимнего Берега [Былины Печоры и Зимнего Берега 1961, 594].

[РО ИРЛИ], данные, зафиксированные собирателями МГУ в 1980 г. и СыктГУ в 1980—1990-х гг., а также собранные в это же время сведения, вошедшие в монографию Т. И. Дроновой по семейной обрядности устьцилемов [Дронова 2002, 200—266], обсуждение условий брачного соглашения и завершающие его богомолье и битье по рукам называлось в Усть-Цильме, как и во многих других местностях, *сговором* или *рукобитьем (руки разнимали, били по рукам)*⁸, слова же *заручение, заручать* встречаются в усть-цилемских материалах по свадьбе в записях 1980—1990-х гг. совсем в другом контексте. Приведем некоторые характерные примеры: «*Я помню: заручали Настю Семяшкину. Её закинули, плат большой рипсовый был, оплакивали. Оплакивают там девушку*» [СыктГУ. АФ 0381-23]; «*В тот день, когда свадьба, невеста заручается с утра. Тут учит которая как плакать. Гостей принимала всё. <...> Приходила вся ейна родня. <...> На заручении невеста сидела в другой комнате. Платом ее закрывали*» [Там же. АФ 0341-24]; «*Невесту поведут родители в байну заручать. Там поведут, платом ей закинут там в байны, она плакать голосом будет. Ей оплакивать родители тут-ка станут <...> Это плачут в общем, как оплакивают ей родители. Вот это называется “заручают”*» [Там же. АФ 03104-17]; «*Проплачет, зарученье-то пройдет, тогда и будут выдавать ей [жениху]*» [Там же. АФ 0331-30] и т. д. Из этих и многих других рассказов усть-цилемских исполнительниц следует, что заручением они называют оплакивание невесты самой себя и другими женщинами, умеющими причитывать. Многими информантами подчеркивается, что невеста при этом не просто плачет (рыдает, ревет), а плачет особым образом — *причитывает* или, по крайней мере, пытается это делать при помощи опытной плакальщицы: «*Заручается она на дальней лавке, в кути. <...> Невеста она уж голосом не плачет, а заручается, там слова говорит таки: “Да ле ты прости, моя да ле воля вольная, да дивья красота...” Заручается под платом, а тут сидит возле ее [женщина] учит, как плакать*» [Там же. АФ 0331-30]; «*Вот*

⁸ Ср. у С. В. Максимова, побывавшего в Усть-Цильме в середине XIX в.: «пьют запой», «творят рукобитье» [Максимов 1987, 409].

девушку когда заручают перед свадьбой, закрывают платом. Она сидит, ей кто-то прикасывают, она тут оплакивает всё себя, всю жизнь оплачет там сидит. Сама плачет, приговаривает всё, а ей тут кто-то учит сидит, как плакать» [Там же. АФ 0380-44]⁹; «Поставили стул посередине, посадили невесту, накрыли шалью. Она заручалась словом, причитала...» [Там же. РФ 0312-1].

В материалах Н. П. Колпаковой слово заручение встречается трижды, во всех случаях — лишь в кратких комментариях к текстам причитаний. Два из них позволяют привычно определить заручение как акт договора сторон жениха и невесты (к причету с зачином «Высоко снялось красно солнышко...» читаем: «На зарученьи, когда отец невесты встает с лавки и готовится к рукобитью» [РО ИРЛИ. Л. 144]¹⁰). Третий текст (плач с зачином «Приходи-ка ты, пожалуйста, Чесна звана да мила го-сьюшка...») сопровождается комментарием иного рода: «Причит невесты родным, приходящим на зарученье прощаться с невестой» [Там же. Л. 146]. Судя по характеристике усть-цилемской свадьбы, выполненной Н. П. Колпаковой, и по более поздним записям, визиты родственников невесты приходились на утро свадебного дня, когда каждого гостя невеста встречала причетом¹¹, таким образом, речь здесь идет не о сговоре (переговорах о предстоящем браке), а об оплакивании в день свадьбы. Однако непосредственно в описании обряда исследовательница не использует этого термина, что затрудняет его толкование.

⁹ Ср.: «Зарученье дома. Приплакивает сама себя. <...> Заручается под платом» [СыктГУ. РФ 0302-23].

¹⁰ Подобное — в комментарии к причитанию «Не ставай-ка, мой гора высокая...»: «На зарученьи, когда отец невесты готовится к рукобитью» [РО ИРЛИ. Л. 145].

¹¹ «К невесте с утра собирались родные. Невеста, покрытая шалью, сидела на лавке, окруженная подругами. Вхдивший гость приходил к ней и дарил “принос” — на платье, на сарафан и т. п. Невеста каждого встречала причетом: “Честной званой гостьюшко, Приходи да ко моему гору высокому...”» [Там же. Л. 105]. Ср.: «В тот день, когда свадьба, невеста заручается с утра. Тут учит которая как плакать. Гостей принимала всё. <...> Приходила вся ейна родня» [СыктГУ. АФ 0341-24].

Как уже было сказано, этнографические репортажи последних десятилетий (рассказы исполнителей 1900—1920-х годов рождения в записях МГУ и СыктГУ) демонстрируют уверенное использование слов *заручение*, *заручать*, *заручаться* при характеристике оголашивания/голошения невесты. Обратим внимание, что в местной речи при его обозначении встречается и именная (*заручение*), и глагольные лексемы (*заручить/заручать, заручаться*)¹². Кроме того, отмечено и наименование его участников-исполнителей — *заручельники* («В баню запускали только заручельников» [СыктГУ. РФ 0302-12]¹³); судя по проанализированным материалам, так называли тех, кто заручал невесту: это старшие, знающие тонкости обряда и оголашивания, женщины — одна-две *голошэльницы* или *плакальщицы*¹⁴.

Относящиеся к обозначению заручения лексемы с корнем *-руч-* (кроме последней: *заручельники*) зафиксированы и в «Словаре русских говоров низовой Печоры», однако их толкование находится, на наш взгляд, в серьезном

¹² В дополнение к уже приведенным примерам укажем также на другие приставочные образования: «она уж прозаручается» [Там же. АФ 0330-23], «в бане <...> чё ле позаручают там» [Там же. АФ 0332-25].

¹³ Ср.: заручельники — лица, которые выводили просватанную невесту за руки к жениху (Пинеж. Арх.) [СРГН 1976, 11]; заручальник — родственник жениха, договаривающийся об условиях свадьбы при «заручении» — соглашении на брак со стороны невесты (Арх., Пск) [СРГН 1976, 10].

¹⁴ «Нынче вот не заручаются. Тогда невеста плакала. <...> Стары старухи учили» [СыктГУ. АФ 0357-15]; «Заручать направит како-то женщина, скажем, пожила» [Там же. АФ 0342-10]; «Ну, скажем, ты заручеешьсе, я умею там подсказывать — надо подсказывать» [Там же. АФ 0342-30]; «Заручели — плакали сидели под платом. Тут два человека: с того бока человек, с другого бока человек. <...> Сторонны-ти [посторонние] как-то заручают, приговаривают. <...> Всяки [женщины], разовы — в разу же, в молодости, не старухи же уж» [Там же. АФ 0369-66]. Женщины-заручельники могли закрывать невесту платом, расплетать и заплетать ей косу, переодевать перед выводом к жениху; обязательной в числе заручающих была крёстная невесты, которая, как правило, и выполняла если не все, то, по крайней мере, последние из названных функций.

противоречия с приведенными там контекстами. Так, слово *зарученье* толкуется как «обручение, сговор» в свадебном обряде и сопровождается следующими примерами: «На другой день, а может, через неделю, будет у них зарученье, накинута шалью, две женщины возле ей голосят. / Потом уж зарученья начинающа, невеста заручающа, плачет, приплакивает. Если она не умеет плакать, то ее учат, или плакальщицы есть, они тогда плачут за невесту. / Невесты тогда плакали, зарученье было» [СРГНП 2003, 264]¹⁵. Слово *заручаться* отмечено в словаре в значении «В свадебном обряде: проходить или исполнять обряд обручения» и «подкреплено» примером: «Я заручелась, дак плакала. / Заручающа девка, плачет, что жизнь ее кончается девищья» [СРГНП 2003, 264]. Как видим, в приведенных диалектных записях так же, как и в материалах фольклорных экспедиций, заручение четко связывается с причитываниями невесты и/или оплакиванием ее опытными женщинами, и нет оснований определять его как обрядовый акт договора.

Будучи важнейшей церемонией «невестинной части» свадебного обряда, оголашивание невесты не так часто получает (или сохраняет) в местных традициях самостоятельную номинацию (возможно, стоит говорить и о том, что этому не уделено достаточного внимания при сборе материала и/или при описании местных вариантов свадьбы). В качестве примеров, тем не менее, можно привести слова практически всех основных семантических групп «лексического поля обрядового голошения», выделенных С. М. Толстой¹⁶. Первую группу в примерах наименований свадебного оплакивания (условно назовем их «мотивированными терминами») составляют слова с корнем *-плак-/-плач-* (*плаканье* и *плаканье(-я)*) [Даль, т. 3,

¹⁵ В цитатах косой линией (/) друг от друга отделены примеры, относящиеся к разным местам их фиксации (названия населенных пунктов опущены).

¹⁶ В «лексическое поле обрядового голошения» «входят слова трех основных семантических групп: “кричать”, “плакать”, “петь”. <...> Особую группу составляют семантические дериваты от глаголов со значением “говорить” и “читать”» [Толстая 2008, 476].

119, Вологодск.; Дилакторский, 362; СРНГ, 75]¹⁷, *пласа(-ы)* [Даль, т. 3, 119], *плакйще* [Подвысоцкий 1885, 56], *приплакивание* [Едемский 2002, 83–88], *заплачка* и *заплачка(-и)*¹⁸, (причёт- (*запричётки* Вологодск. [СГРС 2009, 165]) и *-голос-/-голош-* (*голошенье* [Подвысоцкий 1885, 56])). Ко второй относятся словосочетания, обозначающие свадебные причитывания на заре с глаголами и отглагольными существительными с общим значением ‘плакать’, ‘кричать’, ‘петь’, ‘бить’ (*обкричивали зори* — в одном из вариантов вологодской свадьбы [Русская свадьба 2000, 184]; *выть зорю* в вариантах из Пермской и Свердловской обл.¹⁹; *плакать зори* в говорах Московской обл. [СРНГ 1992, 75]; *отбивание зорь* — у одной из групп русских старообрядцев Алтая²⁰; *кричать/петь/тянуть волю* в традиции нижнего течения р. Шелони, Новгородская обл.²¹).

Закрепленность слова *заручение* за обозначением ритуального оплакивания в усть-цилемской традиции лингвистически как будто бы не мотивировано²²,

¹⁷ Перм., Свердл. *Плаканье* как оплакивание невесты, «невестина свадьба», отмечено на севере Вятского края, в лоемской традиции: «...*Последняя баня — как будто уж сегодня плаканье будет, сегодня у девки, счита(е)тся не свадьба, свадьба — у жениха, у девки считается плаканье это. Плакали, плаканье было...*» [СыктГУ. АФ 1315-1].

¹⁸ См., например: [Даль, т. 1, 616]; [Русская свадьба 2000, 181] (Беломорский р-н Карелии); [СРНГ 1974, 325] (Новгор., Арханг.); [Подвысоцкий 1885, 56].

¹⁹ Девушки начинают выть плачи, а невеста «реветь и хрястаться об стол руками» [СРНГ 1970, 43–44].

²⁰ «У “поляков” существовал обычай “отбивания зорь”, широко известный во многих районах европейской части страны. Подруги каждый день от просватанья до венчания на утренней заре выводили невесту во двор или на улицу и она там причитала» [Липинская, Сафьянова 1978, 191].

²¹ «Кричать/петь/тянуть волю» — голошение девушек вечерними *зорями* под окнами просватанной подруги [Лапин 1986, 101].

²² Мы оставляем в стороне попытки обнаружить акустический код в толковании термина заручение-оплакивание: ср. возможное возведение праславянского корня **ruk-* в связи со словом «ручей» к «рычанию» [Фасмер 1987, 525]; слова «рука» — к значениям

а с точки зрения искушенного исследователя создает определенную путаницу, вызывая аналогию с заручением — договором. Однако такое использование обрядового термина имеет в поэтическом (фольклорном) тексте традиции свой «противовес» и свою мотивировку: выражение *невеста заручённая* устойчиво komponуется в свадебных плачах с сочетанием *княгиня прослезённая*²³. В этом синонимичном сочетании можно усматривать своеобразный «ключ» к объяснению местного обрядового термина: пара определений *заручённая* — *прослезённая*, будучи семантически единой, и дает толкование заручения как «слезения», или оплакивания причетами, причитывания.

Обратим внимание на то, что в рассказах об усть-цилемской свадьбе речь о заручении идет в связи с оплакиванием, оформляющим кульминационные действия в доме невесты перед выдачей ее жениху²⁴ (в день свадьбы²⁵):

- прощание девушки с родными, приходящими к ней с «приносами» (при этом звучали причеты-приглашения типа «Приходи-ко ты, пожалуйста, Чес(т)на звана мила гос(т)юшка...» или «Приходите-ко, да люди добрые, Ко моей да горы высокой...»)²⁶, с родителями и подругами²⁷ (причеты-сетовые «слово, звук» [Маковский 1996, 281]. О связи действий невесты при голошении (битье (ударение) руками по столу) с причитыванием см. далее в основном тексте.

²³ Имеется также пример удвоения с одним определяемым словом: *невестушка зарученная, невестушка прослезенная* [МГУ. Т. 19, № 30, с. 6318].

²⁴ В свадебном обряде средней Пинеги заручением (или *белилами*) назывался вывод наряженной невесты «на смотренье» к «женихам»; оно устраивалось накануне дня свадьбы (в день, предшествующий приезду жениха со свадебным поездом), см.: [Обрядовая поэзия Пинежья 1980, 51—52, 244 (к № 55)].

²⁵ «Накануне свадьбы невесту ведут в баню, заручают» [МГУ. Т. 19, № 5, с. 6301]; «Баня перед свадьбой была. Девку оплакивали, накидывали плат» [СыктГУ. РФ 0310-1].

²⁶ Краткие описания заручения в связи с этим этапом свадьбы приведены ранее, см. сноску 11.

²⁷ «Невеста заручалась и отцу, и матери, и подружкам» [Там же. РФ 0314-2]; «Вот невеста сидит в кути причитывает, родников оплакивает» [Там же. АФ 0366-33].

вания невесты²⁸; плачи-наказы матери, как жить «во чужих людях»²⁹),

- приезд жениха и его родных³⁰,
- расплетение/заплетение косы³¹ (причеты, составляющие диалог между крестной и невестой)³²,
- посещение бани (комплекс плачей: подруги сообщают о готовности бани, невеста приглашает в баню своих родных, подруги просят дорогу в баню и из бани, подруги или невеста комментируют намерение посетить баню, невеста сообщает о случившемся омовении, желает бане «рассыпаться», благодарит подруг за баню).

При всех разночтениях в материалах по усть-цилемской свадьбе, касающихся последовательности обрядовых актов (имеется примерно поровну сведений о проведении заручения как до бани³³, так и непосредственно в бане³⁴, а также не-

²⁸ «Перед баней невеста стояла у стола, плакала, извинялась перед родными: “Дорогой отец-родитель, чем я тебе докучила?” После звала родителей в парну баньку» [СыктГУ. РФ 0310-1].

²⁹ «С утра в день свадьбы зарученье. Оплакивали голосом невесту мать и крестная» [Там же. РФ 0302-19].

³⁰ «Невеста заручалась, когда жених в дом входил» [Там же. РФ 0314-39]; «Когда заручают невесту, за столом стоят брат, сват. Невеста говорит: “Не про вас были столы ставлены, Не про вас были столы готовлены, Не про тебя, Алексей Иванович, столы были готовлены”» [МГУ. Т. 1, № 317, с. 4284]; «Который день зарученье, дак и придет жених спрашивать невесту: как спала? какой тебе сон виделся? Вот она тогда и будет плакать, заплачет, что вот “По сегодняшней-то темной ночью мне мало спалось да много виделось”» [СыктГУ. АФ 0330-1]; «Жених и родители с той и с другой стороны [сидят], а невеста заручается. <...> Заручается она на дальней лавке в кути» [Там же. АФ 0331-30].

³¹ Именно с этим обрядовым актом соотносит заручение Т. И. Дронова [Дронова 2002, 236—237].

³² «Заручаются и косу расплетают» [СыктГУ. РФ 0301-58]; «Косу-то тут надо поплакать да оплакать» [Там же. АФ 0368-4].

³³ «В баню вели после того, как обголосят» [Там же. РФ 0301-50]; «После зарученья жених несет на тарелке гребень, мыло, баню топят. Невесту в баню вели под платом» [Там же. РФ 0307-32].

³⁴ Например: «В баню пойдут, там и заручат хрестна невесту» [СыктГУ. РФ 0301-22]; «Когда заручели, тогда в баню водили» [Там

большое количество указаний на заручение после бани³⁵), можно говорить о том, что оголашивание при посещении невестой бани выступает важнейшей из довенечных церемоний, совершавшихся в доме невесты. Конечно, после бани и «банных» причитаний еще последует заплетение кос с плачами, причеты-наказы матери при переодевании дочери-невесты, выплакивание невестой благословения у родителей перед выходом (выводом) к жениху. Однако о том, что своего пика причитывание невесты достигает все же накануне бани, свидетельствуют, в частности, сами исполнители, указывающие на такую цель ее посещения, как смывание слез («*Когда заручают, топят баню, омывают слезы*» [СыктГУ. РФ 0304-16]; «*Баню делали — слезы невесте смывали*» [Там же. РФ 0310а. Л. Тоб.]; «*Расплетут косу, в баню поведут слезы смывать*» [МГУ. Т. 1, № 174, с. 4230] и т. п.)³⁶. Напомним, что формульное сочетание *невеста заручённая, княгиня прослезённая* чаще всего встречается именно в «банных» причитаниях. *Прослезённая* (оплаканная) невеста отправлялась в баню, после чего наступал перелом в ее преображении: там она умывалась, в последний раз разделяла с подругами символическую трапезу³⁷ и, возвратившись домой, меняла

«слезную» («прослезённую») одежду³⁸, прическу и головной убор³⁹.

С переменной облика невесты подходили к завершению акты ее отделения от своей половозрастной группы. Началом же его, как известно, выступал договор сторон (сговор, рукобитье, заручение и т. д.). Во многих традициях после него девушку-невесту закрывали платком, и именно с этого момента начинали исполняться причеты. Так, например, в тарногской свадьбе термины *запоруки, запоручивать невесту* и *закрыванье, завешивать, закрывать* являются синонимами [Русская свадьба 1985, 35]⁴⁰; завешенная невеста «начинает хлестаться и причитать» [Там же, 33]⁴¹. Таким образом, закрывание невесты и ее оголашивание, следуя сразу после заручения — договора о свадьбе (или завершая его), оказались тесно с ним связанными не только своей позиционностью (**заручение** (сговор, просватанье) → **закрывание** невесты → **голошение**), но и семантически, выступая важнейшими знаками изменения статуса девушки.

В поисках мотивированности устьцилемского термина *заручение* (оплакивание) можно высказать следующее:

³⁸ «*Приедут [женихи], она уж позаручается, в баню сводят, и всё уж, нарежённа уж. Приедут по ей, она уж всё сняла, в которой одежды плакала*» [Там же. АФ 0330-23].

³⁹ «*В бане заручается. Потом наряжают молодкой уже*» [Там же. АФ 0344-23]; «*В байны там косу расплетают, а заплетают — уж домой приведут. Голову вымют, косу расплетут, в дом заводят в комнату особу и там ей сряжают. Косу заплетают, потом кокошник налаживают, потом платок завязывают, сарафаны одевают и садят за стол с женихом*» [Там же. АФ 0370-33].

⁴⁰ Ср. также: «Бабы и девушки-подруги сбегаются со всей деревни. <...> “Пойдем невесту *запоруцивать!*” Утром приедут, и девки бежат скорей: “Надо *завесить!* <...>”» (курсив мой. — Т. К.) [Русская свадьба 1985, 33]; «...вспоминали бойкую бабу, любительницу *завешивать* девок — та все и ходила, *запоруцивала*» (курсив мой. — Т. К.) [Там же, 372].

⁴¹ См. также: «На рукобитье невеста начала причитывать или <...> вопеть. <...> Невеста кланялась отцу, матери, крестным, прижимала “слезный” платок обеими руками к глазам и начинала причитывать» [Русская свадьба Заонежья 2001, 41, 42]; «Невесту накроют шалью, и сиди кричи» [СРНГ 1979, 261].

же. АФ 0381-67]; «*Невесту поведут родители в баню заручать*» [Там же. АФ 03104-17] и т. п.

³⁵ Например: «*Заручали перед самой свадьбой, после бани*» [Там же. АФ 0339-7]; «*Пока она в баню сходит, потом уже будут заручать ей*» [Там же. АФ 0380-44] и т. п.

³⁶ Ср. с заонежским поэтическим обозначением свадебной бани: «слезно горяче умываньице» [Рыбников 1991, с. 21, № 9]; в мезенской свадебной песне: «Первым щелоком умоешься — ты омоешь, красна девушка, / Ты омоешь горячи слезы» [Лирика русской свадьбы 1973, № 478]; в лешуконской «голосьянке» девушек-истоппиц: «...Уж ты мойся да намывайся же. / Ты смывай ле тоску-кручинушку, / Со бела лица да горячи слезы, / С ретива ли сердца да зазнобушки» [Русская свадьба 2000, № 68] и т. п.

³⁷ «*С подружками в бане мылись. Невеста <...> зайдет, лицо обмоет, немножко винца выпьют*» [СыктГУ. АФ 0370-78]; «*В баню водили девки, плакали, квасок пили*» [Там же. РФ 0304-46]; «*А там в байны и поведут ей, там-от винцо выпьют, кушанье ес(т)ь и*» [Там же. АФ 0342-30].

Примечательно, что ближайший «родственник» усть-цилемской поэтической номинации невесты — нижнепечорская песня⁴⁸ — ограничивается одним определительным сочетанием:

Просим милости да в парну баенку
Душу красную девицу,
Как невесту зарученную,
Уж как Марью да свет Васильевну
[Леонтьев 1979, № 119].

Усть-цилемские же плачи, как было отмечено, практически во всех зафиксированных вариантах дают дублетную строку — *княгиня прослезённая*. Это, с одной стороны, отвечает особенностям эпической стилистики, для которой, в частности, свойственно «нанизывание» двойных синонимических конструкций и сочетаний тавтологического характера, относящихся к одному образу (см. приведенные ранее примеры: *невеста обручённая* = *княгиня первобрачная* = *жена венчанная*; *княгинюшка заручённая* = *невеста благословлённая* и т. п.). В этих же отношениях, на наш взгляд, находятся и элементы рассматриваемой усть-цилемской пары: *невеста заручённая* и *княгиня прослезённая* — это равнозначные сочетания, синонимичная пара. С другой стороны, здесь можно наблюдать обоснованное «предпочтение» в «выборе» слова: определением *прослезённая* (условно говоря, появившемся «на месте» эпитетов *первобрачная*, *благословлённая*, *подневольная*) местная традиция и закрепила в фольклорном тексте смысл специфического обрядового термина: *заручение* как «слезёние» — оголашивание невесты⁴⁹.

«слезяные песни» (Вологод.) [Обрядовая поэзия 1989, № 745]; «слезлива свадебка» (Лешук. Арханг.) [Лирика русской свадьбы 1973, № 447]; «слезливо рукобильнице» [Якубовская 2006, 349, Мезень]; «слезно горюче умыванье» [Рыбников 1991, с. 21, № 9]; «слезливый посиденочек» [Чердынская свадьба 1969, 18, № 7].

⁴⁸ О сравнении фольклорных традиций средней (Усть-Цилемский р-н) и нижней Печоры см. [Канева 2006].

⁴⁹ В одном из комментариев к «банному» плачу встречаем пример «выхода» поэтической формулы за пределы фольклорного текста: «Оплакала она слезами, девка-та, тут ей приплакали маленько в байны-то, княгинюшу прослезили дак, невесту-ту» [СыктГУ. АФ 0369-61].

Важно также отметить, что причитания являются единственным музыкально-поэтическим жанром усть-цилемской свадьбы⁵⁰. Это во многом объясняет то значение, какое имело оголашивание невесты в свадебном обряде Усть-Цильмы и почему оно оказалось и терминологически, и поэтически маркированным.

Литература

Бернштам 1986 — Бернштам Т. А. Свадебный плач в обрядовой культуре восточных славян (XIX — начало XX в.) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 82—100.

Былины Мезени 2006 — Былины Мезени / отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2006. Т. 4. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 3—5.)

Былины Печоры 2001 — Былины Печоры: в 2 т. / сост. и подгот. текстов В. И. Ереминой, В. И. Жекулиной, В. В. Коргузалова, А. Ф. Некрыловой; отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 1—2).

Былины Печоры и Зимнего берега 1961 — Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.

Дронова 2002 — Дронова Т. И. Русские старожилы-беспоповцы Усть-Цильмы: профессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX — XX вв.). Сыктывкар, 2002.

Едемский 2002 — Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда / сост., подгот. текста, коммент. М. А. Вавиловой, С. Н. Смольникова. Вологда, 2002.

Ефименкова 1980 — Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская обл.). М., 1980.

Ильина 2008 — Ильина Ю. Н. Севернорусские похоронно-поминальные причитания: лингвокогнитивный аспект: диссертация ... канд. филол. н. СПб., 2008.

⁵⁰ «Характерно, что <...> цикла песен свадебных, издавна популярных по всей старой России, на средней Печоре нет и, по-видимому, не было и в прошлом. Это объясняется, очевидно, тем, что <...> развитого обряда свадьбы старообрядцы, составлявшие за последние столетия основное русское население этих мест, не справляли» [Колпакова 1963, 11]. Парные величания свадебного типа исполнялись устьцилемцами на молодежных посиделках в качестве припевок (подробнее см. [Канева 2002, 43—45, 53—57].

Канева 2002 — *Канева Т. С.* Фольклорная традиция Усть-Цильмы. Отдельные аспекты характеристики локальной традиции: учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002.

Канева 2006 — *Канева Т. С.* Песенная традиция Усть-Цильмы в сопоставительном аспекте (к проблеме методологии сравнительного изучения локальных песенных традиций) // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2006. Т. 3. С. 131—139.

Канева 2009 — Основные издания и исследования усть-цилемского фольклора: материалы к библиографии / подгот. Т. С. Каневой // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 118—120.

Колпакова 1963 — *Колпакова Н. П.* Песни Печоры // Песни Печоры / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963. С. 9—30.

Колпакова 1973 — Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973.

Лапин 1986 — *Лапин В. А.* Воля — групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 102—115.

Леонтьев 1979 — Печорские былины и песни / зап. и сост. Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979.

Липинская, Сафьянова 1978 — *Липинская В. А., Сафьянова А. В.* Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 180—201.

Маковский 1996 — *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.

Максимов 1987 — *Максимов С. В.* Год на Севере // Максимов С. В. Избранные произведения: в 2 т. М., 1987. Т. 1.

Нижегородская свадьба 1998 — Нижегородская свадьба. Пушкинские места. Нижегородское Поволжье. Ветлужский край: Обряды, причитания, песни, приговоры / изд. подгот. М. А. Лобанов, К. Е. Корепова, А. Ф. Некрылова. СПб., 1998.

Обрядовая поэзия 1989 — Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М., 1989.

Обрядовая поэзия Пинежья 1980 — Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.) / под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980.

Песни Печоры 1963 — Песни Печоры / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.

Русская свадьба 1985 — *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и

Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.

Русская свадьба 2000 — Русская свадьба: в 2 т. / сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. М., 2000. Т. 1.

Русская свадьба Заонежья 2001 — *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья: конец XIX — начало XX в. Петрозаводск, 2001.

Рыбников 1991 — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. Петрозаводск, 1991. Т. 3.

Семейные обряды Вятского края 2003 — Семейные обряды Вятского края / под ред. А. А. Ивановой. Котельнич, 2003.

Соболевский 1987 — Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. СПб., 1897. Т. 3.

Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 467—477.

Чердынская свадьба 1969 — Чердынская свадьба / зап. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1969.

Словари

Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1994. Т. 3.

Дилакторский 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2006.

Подвысоцкий 1895 — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

СГРС 2009 — Словарь говоров Русского Севера / под ред. чл.-кор. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2009. Т. 4.

СРГНП 2003 — Словарь русских говоров низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л. И. Ивашко. СПб., 2003. Т. 1.

СРНГ 1970 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1970. Вып. 6.

СРНГ 1974 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1974. Вып. 10.

СРНГ 1976 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1976. Вып. 11.

СРНГ 1979 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1979. Вып. 15.

СРНГ 1992 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1992. Вып. 27.

Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987. Т. 3.

Архивы

МГУ — Архив кафедры фольклора Московского государственного университета (ФЭ-12, 4-10-1980, далее в указателе шифров записей эти общие сведения из шифра не приводятся, все записи относятся к 1980 г.)

МГУ. Т. 1, № 174, с. 4230: зап. в д. Медвежке от М. Ф. Кирилловой, 1912 г. р., урожай. д. Черногорской.

МГУ. Т. 1, № 317, с. 4284: зап. в с. В. Бугаево от А. А. Поздеевой, 1904 г. р.

МГУ. Т. 19, № 5, с. 6301; № 30, с. 6318: зап. в д. Ёрмице от М. А. Чупровой, 68 л.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кол. 165, п. 25: Колпакова Н. П. Свадебный обряд на Севере: машинопись диссертации. 1934 г.

СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета, Усть-Цилемское собрание (АФ — аудиофонд, РФ — рукописный фонд).

СыктГУ. АФ 0322-10: зап. в 1987 г. в с. За-межной от М. Е. Чуркиной, 1904 г. р.

СыктГУ. АФ 0330-1: зап. в 1987 г. в с. Ха-бариха от К. И. Поздеевой, 1907 г. р.

СыктГУ. АФ 0330-23: зап. в 1987 г. в д. Уег от Е. А. Дуркиной, 1905 г. р.

СыктГУ. АФ 0331-30: зап. в 1987 г. в д. Уег от П. А. Чипсановой, 1910 г. р.

СыктГУ. АФ 0332-25: зап. в 1987 г. в д. Мы-за от М. К. Шишеловой, 1918 г. р.

СыктГУ. АФ 0339-7: зап. в 1987 г. в д. Медвежке от К. Е. Осташовой, 1926 г. р., урожай. д. Росвино.

СыктГУ. АФ 0341-24: зап. в 1988 г. в п. Си-негорье от М. Н. Чупровой, 1918 г. р., урожай. с. Усть-Цильма.

СыктГУ. АФ 0342-10, зап. в 1988 г. в д. Фи-липпово от С. И. Носова, 1904 г. р.

СыктГУ. АФ 0342-30, зап. в 1988 г. в д. Фи-липпово от Ф. Ф. Дуркиной, 1913 г. р.

СыктГУ. АФ 0344-23: зап. в 1988 г. в с. Тру-сово от А. С. Чупровой, 1922 г. р.

СыктГУ. АФ 0357-15: зап. в 1987 г. в с. В. Бу-гаево от А. М. Поздеевой, 1908 г. р.

СыктГУ. АФ 0366-33: зап. в 1988 г. в д. Га-рево от К. И. Хозяиновой, 1913 г. р.

СыктГУ. АФ 0368-4: зап. в 1988 г. в п. Но-вый Бор от Т. И. Поздеевой, 1915 г. р.

СыктГУ. АФ 0369-61, 66: зап. в 1988 г. в с. Ёрмица от М. С. Мясоедовой, 1906 г. р., урожай. д. Окунёво.

СыктГУ. АФ 0370-33: зап. в 1988 г. в д. Ёрмице от А. Г. Поздеевой, 1911 г. р.

СыктГУ. АФ 0370-78: зап. в 1988 г. в с. Усть-Цильма от М. Н. Тирановой, 1919 г. р.

СыктГУ. АФ 0380-44: зап. в 1989 г. в с. Усть-Цильма от В. В. Антоновой, 1913 г. р.

СыктГУ. АФ 0381-23: зап. в 1989 г. в с. Усть-Цильма от И. И. Бабиковой, 1901 г. р.

СыктГУ. АФ 0381-67: зап. в 1989 г. в с. Усть-Цильма от М. И. Чупровой, 1910 г. р.

СыктГУ. АФ 03104-17, зап. в 1990 г. в с. Усть-Цильма от М. А. Семеновской, 1917 г. р., урожай. д. Черногорской.

СыктГУ. АФ 03104-38: зап. в 1990 г. в д. Уег от П. А. Чипсановой, 1910 г. р.

СыктГУ. РФ 0301-22: зап. в 1987 г. в с. Усть-Цильма от М. Н. Тирановой, 1919 г. р.

СыктГУ. РФ 0301-50: зап. в 1987 г. в с. Усть-Цильма от А. М. Бобрецовой, 1904 г. р., урожай. с. Замежная.

СыктГУ. РФ 0301-58: зап. в 1987 г. в с. За-межная от Ф. Ф. Осташовой, 1903 г. р., урожай. д. Скитской.

СыктГУ. РФ 0302-12: зап. в 1986 г. в с. Усть-Цильма от А. Л. Палкиной, 1919 г. р.

СыктГУ. РФ 0302-19: зап. в 1986 г. в с. Усть-Цильма от М. П. Хозяиновой, 1910 г. р.

СыктГУ. РФ 0302-23: зап. в 1986 г. в с. Усть-Цильма от Парасьи Алексеевны, 1906 г. р.

СыктГУ. РФ 0304-16: зап. в 1986 г. в с. Усть-Цильма от В. И. Манаковой, 1901 г. р.

СыктГУ. РФ 0304-46: зап. в 1986 г. в д. Ро-щинский Ручей от М. И. Поздеевой, 1909 г. р.

СыктГУ. РФ 0307-32: зап. в 1986 г. в д. Ко-ровий Ручей от Т. М. Бобрецовой, 1900 г. р.

СыктГУ. РФ 0310-1: зап. в 1988 г. в п. Но-вый Бор от М. И. Осташовой, 1906 г. р.

СыктГУ. РФ 0310а л. 7 об.: зап. в 1988 г. в д. Ёрмице от М. И. Чупровой, 1912 г. р.

СыктГУ. РФ 0312-1: зап. в 1993 г. в с. Усть-Цильма от Е. И. Рочевой, 1918 г. р.

СыктГУ. РФ 0314-2: зап. в 1988 г. в д. Ро-чево от А. Н. Тирановой, 1906 г. р.

СыктГУ. РФ 0314-39: зап. в 1988 г. в д. Фи-липповской от З. Г. Носовой, 1910 г. р.

СыктГУ. АФ 1315-1 — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета, Прилузское собрание: зап. в 1992 г. в д. Тарасовской Лоемского сельсовета Прилузского района Республики Коми от Е. П. Смолевой, 1907 г. р.

Summary. *The basic problem with which given article is connected can be conditionally defined as «the local ritual term in the folklore text». In the article the developed comment to the folklore expression «the bride is zaruchennaya, the princess is proslezennaya» from wedding lamentations of Ust-Tsilma is presented; the value of the ritual term corresponding to this art unit of the wedding ritual of Ust-Tsilma («zaruchenie») is characterized; the attempt to define their interrelation is made.*

Key words: *wedding ritual, lamentation, national terminology, poetics, formula.*